Текст · 23 апреля 2023, 10:41
Максим Литаврин, Ника Самусик,

«Процентов пять осужденных критически относятся к информации». Рассказ освободившегося фигуранта дела «Сети» Юлия Бояршинова

21 апреля, проведя в заключении 5 лет и 3 месяца, вышел из колонии Юлий Бояршинов — один из фигурантов «пензенского дела». Он был арестован в Петербурге в январе 2018-го и через полтора года осужден по обвинению в участии в «террористическом сообществе "Сеть"» (часть 2 статьи 205.4 УК). В первый день на свободе Бояршинов рассказал «Медиазоне» о том, как на него давили в СИЗО, провоцировали в колонии, ограждали от информации о вербовке заключенных в «ЧВК Вагнера», а также о том, как он не стал тюремным тревел-блогером и получил очень хорошую, но отрицательную характеристику от тюремного начальства.

Видео на YouTube

YouTube

Вышедший на свободу Юлиан Бояршинов — о давлении в СИЗО

@Медиазона

https://youtu.be/i7SeEFg0mi4

Видео: Ника Самусик / Медиазона

Об аресте и пытках

Я сначала находился в СИЗО № 1 города Петербурга, в «Крестах». В принципе все было неплохо, но это длилось достаточно недолго, неделю или две. Сидел я еще не по 205-й, у меня были другие обвинения предъявлены. Ко мне туда приходили оперативники ФСБ — с уже готовой версией того, что они хотели услышать: вот, расскажи нам так, и уйдешь домой или получишь условный срок. Или если не будешь ничего говорить, то сейчас посадим, уедешь на 15 лет в Карелию, там тебя будут убивать.

При задержании меня не пытали, а то давление, которое оказывалось, оно оказывалось уже позже. Не в «Крестах», а когда меня перевели дальше, в Горелово[1]. Там создавались, конечно, условия мне хардкорные. Огромная камера по 116 спальных мест, по 150 человек туда кладут, по несколько человек на кровать. Здоровые такие дядьки из подследственных, которые там активисты и работают на администрацию, избивают заключенных, пытают. Ну, не знаю даже, [можно ли это назвать] пытками... Ну, мучают, пугают, заставляют делать определенные вещи. Давят с целью вынудить к каким-то конкретным показаниям.

Дело «Сети» в Пензе и Петербурге

ФСБ возбудила дело о «террористическом сообществе "Сеть"» по части 2 статьи 205.4 УК в октябре 2017 года. Той же осенью в Пензе были задержаны Егор Зорин, Василий Куксов, Дмитрий Пчелинцев, Андрей Чернов и Илья Шакурский. Одного пензенца, Армана Сагынбаева, силовики задержали в Петербурге, а еще двое — Максим

Иванкин и Михаил Кульков — скрылись и были объявлены в розыск. Их задержали летом 2018 года в Москве. Кроме того, в январе 2018-го в Петербурге были задержаны Юлий Бояршинов, Виктор Филинков и Игорь Шишкин. Большинство обвиняемых — антифашисты и анархисты.

ФСБ утверждает, что все они участвовали в подпольной организации «Сеть» с ячейками в Москве, Петербурге, Пензе и в Беларуси. Их целью якобы было организовать серию взрывов во время президентских выборов и чемпионата мира по футболу, «раскачать народные массы для дальнейшей дестабилизации политической обстановки в стране» и в итоге поднять вооруженный мятеж.

Юлий Бояршинов уже в первые месяцы после ареста подробно рассказывал, как на него давили в «пресс-хате» в СИЗО. О пытках много рассказывали и другие задержанные: Виктор Филинков, Дмитрий Пчелинцев, Илья Шакурский, Арман Сагынбаев. О допросе с применением электрошокера говорил и Илья Капустин, которого отпустили в статусе свидетеля; опасаясь за свою безопасность, он, как и жена Филинкова Александра, уехал в Финляндию, где попросил политического убежища.

В суде Бояршинов признал вину и получил 5,5 лет колонии (на апелляции срок был сокращен на три месяца). Уголовное преследование Егора Зорина, чья явка с повинной формально легла в основу дела, прекратили. Шишкин, который тоже признал вину и при этом заключил досудебное соглашение со следствием, получил 3,5 года лишения свободы. Отрицавшие свою вину фигуранты дела, в основном пензенцы, получили самые большие сроки: Арман Сагынбаев — 6 лет, Виктор Филинков — 7 лет

(в Петербурге), Василий Куксов — 9 лет, Михаил Кульков — 10 лет, Максим Иванкин — 13 лет, Андрей Чернов — 14 лет, Илья Шакурский — 16 лет, Дмитрий Пчелинцев — 18 лет.

О путешествии по СИЗО

Я полгода сидел в Горелово, где просто в аду горел. Там избивали людей — и мне прилетало... Много было таких тяжелых, унизительных, стрессовых вещей. А потом поехали по всей стране, разные СИЗО смотрели[2].

Горелово — это «красное» СИЗО, где много насилия, где нету никакой солидарности между заключенными, где они никак не взаимодействуют. А потом я ехал в Ярославль, в Новгород и видел там ребят, которые, ничего о тебе не зная, тебе чая нальют, поприветствуют... Очень сильно отличалась атмосфера в других СИЗО.

С пацанами заодно пообщался: с Витей Филинковым, с Игорем Шишкиным. Мы пока ехали, нас старались изолировать, но иногда пересекались, могли пообщаться немножко. У каждого из нас была своя позиция[3]. Мы друг другу аргументировали,

почему нужно сделать так, и у нас не было больших противоречий. Я не могу точно Игоря винить. А Витя — меня не винит. Мы понимаем, что враги не мы друг другу, а те, кто устраивает такое.

Меня еще все время отсаживали ото всех, потому что я, типа, опасный террорист. Достаточно часто я и в вагоне ехал один, и в СИЗО меня либо одного

сажали, либо тоже с каким-нибудь 205-м[4]. Для меня это, конечно, был отдых.

Мне очень не хватало мобильного телефона или камеры. Я бы вел тревел-блог, рассказывал про разные СИЗО, про столыпинские вагоны. У меня была бы рубрика «Распаковка»: я бы показывал, какие нам дают пайки в вагон, потому что везде они были разные. Был бы фуд-блог — про тюремную баланду.

Короче, для меня это было классное приключение, я отдохнул. А для чего они это делали — осталось загадкой. Меня лично они просто отвезли, провели очную ставку с Сагынбаевым. Спрашивали: «Знакомы?». «Нет». И все, вся очная ставка.

О колонии

В принципе отбывал я наказание более или менее по закону, примерно как все другие ребята. В колонии было определенное дополнительное внимание, больше контроль. Но все-таки Карелия — это «красные» зоны, очень сильно поменялась ситуация, то есть сейчас какие-то пытки или какое-то давление невозможно. Ко мне приходили сотрудники ФСБ, общались со мной, но они не могли как-то повлиять на мою ситуацию, угрожать мне, давить на меня. Могли обещать какие-то бонусы, если я буду с ними сотрудничать, но давить на меня они не могли.

> [С другими осужденными] отношения складывались нормально. Кому-то я готов был рассказать [свою] историю, и люди понимали вообще, в чем суть дела. А

кому-то я не хотел рассказывать — и просто обрывал общение.

Когда ты говоришь, что ты сидишь по 205-й, тебе говорят: «А, ты, наверное, деньги перевел не туда». Потому что больше всего ребят по 205-й на общем режиме сидят за «финансирование терроризма». Это какие-нибудь мусульмане, которые перевели деньги в благотворительный фонд, и либо фонд послал деньги куда-то дальше, либо это просто провокация ФСБ... В итоге они оказались за решеткой. И у всех ассоциация с 205-й обычно такая, потому что террористический акт — это как минимум на строгий режим тянет, на общем такого человека не встретишь.

Тот контингент, с которым я сталкивался, достаточно специфический. Общий режим и в таком регионе — все в основном сели за небольшие кражи, за наркотики... Это люди, у которых нет образования. Это бывшие наркопотребители с большим стажем. Им не до политики. Их другие вещи интересуют. Очень часто обсуждают наркотики, как, кто, где попался. Такое ощущение, что люди сели на эту историю, и все — у них весь мир об этом. Человек прямо говорит: я сейчас выйду и первое, что я сделаю — это покурю соли.

А в фээсбэшном СИЗО контингент был очень классный. Люди с образованием, с опытом, предприниматели... Если он наркотики делал, так у него целый ангар был на двести метров и промышленное оборудование. Какие-то интересные, необычные истории. А в колонии — тушите свет, просто кошмар. Единицы людей, которые как-то

разговаривать умеют, с которыми что-то можно обсудить.

О характеристике

Мне дали достаточно длинную характеристику, в которой описывается, что я вежливо общаюсь с администрацией, не вступаю в конфликтные ситуации, поддерживаю отношения с другими осужденными, участвую во всяких мероприятиях... Вообще такой классный, позитивный парень, но характеризуется негативно.

Мотивировали они это тем, что все-таки у меня есть несколько взысканий, которые они мне делали примерно раз в квартал. Это прямо было видно: проходит примерно три месяца с последнего взыскания, и активисты начинают за мной бегать, смотреть, что я делаю, ловить каждое нарушение.

Вплоть до провокаций. Один из случаев был — активист мне говорит: «Ты иди туда — вне распорядка — и там сделай то». Я иду, сразу подбегает инспектор, говорит: «Почему вы находитесь в комнате приема пищи вне распорядка?». Вот такие незамысловатые провокации. Это все было достаточно прозрачно. Понятно, что просто они хотели, чтобы у меня была плохая характеристика и я ни за что не ушел на УДО.

Есть два варианта взыскания в колонии — это письменный выговор либо ШИЗО. Мне давали именно выговора, потому что у них была цель: зафиксировать нарушение. А я целенаправленно старался не нарушать правила распорядка, чтобы не

попадать в такие ситуации. Поэтому те нарушения, которые я получал, это была какая-то совсем фигня.

О вербовке «ЧВК Вагнера»

В один день это случилось, неожиданно. Всех резко сняли с производства, собрали в актовом зале, и там какие-то представители ЧВК агитировали принимать участие. То есть никого не загоняли: озвучили конкретные условия, предложили поехать. Я этого всего не видел, потому что меня и еще нескольких ребят изолировали, чтобы мы минимально про все это вообще знали.

Дело в том, что в тот момент, когда в ИК-7 приехал «Вагнер», по-моему, уже за полгода до этого уехали [завербованные заключенные] из ИК-9 строгого режима, тоже в Карелии. И уже были известны и условия, какие там предлагали, и что там успели ребята вернуться погибшие, и что кто-то даже освободиться уже успел.

Много было информации противоречивой. То есть одни говорят, другие — прямо противоположное. Кто-то говорит, что там 80 человек в гробах оказалось, другие: «Да нет, там все нормально, ништяк».

А настроения какие? Все смотрят телек: все классно, наступление по всем фронтам, отлично, можно получить классный, интересный опыт, 200 тысяч в месяц, надо ехать. Людей, которые как-то критично эту информацию воспринимают или хотя бы говорят, что это не вся правда, конечно, меньшинство. Процентов, может быть, пять осужденных, которые

задумываются, как-то критически относятся к информации.

Редактор: Д. Г.

---

1. СИЗО № 6 по Петербургу и Ленинградской области.
2. Поскольку подозреваемые были как из Пензы, так и из Петербурга, в ходе следствия их много перемещали по разным регионам, устраивая очные ставки.
3. На суде Филинков не признал вину, Бояршинов и Шишкин признали, при этом Шишкин еще заключил сделку со следствием, в результате чего получил самый короткий срок.
4. Обвиняемым по 205-й статье УК — «Террористический акт».